

Л.Л. Бельская

Загадка «Песни о собаке»

Кто не помнит знаменитой есенинской «Песни о собаке» с ее пронзительно-щемящей концовкой:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

История о собаке, потерявшей своих щенят, занимает особое место среди анималистских стихов поэта. Но как и когда создавался этот есенинский шедевр, мы до сих пор не знаем. Он датирован автором 1915 годом, а опубликован лишь в 1919-м. Единственный сохранившийся автограф предположительно относится к 1918 году. Известно также, что в первые революционные годы Есенин неоднократно читал свое стихотворение в разных литературных кругах. Не ошибся ли поэт в его датировке?

Вчитаемся повнимательнее в есенинские дореволюционные стихи. Вот три из них, помеченные 1915–1916 годами: «Корова», «Лисица» и «Песнь о собаке» — о гибели животных по вине человека. Они показаны в самый трагический момент: потери детенышей или собственной смерти — и даны как бы изнутри: в муках и страданиях. Корова «думает грустную думу о белоногом телке», которого отняли у нее и зарезали. Тяжелораненой лисице все чудится «в колючем дыме выстрел». Измученной собаке месяц кажется одним из ее погибших щенков.

К этим стихотворениям примыкают еще два, затрагивающие тему материнской любви: «По лесу леший кричит на сову» (1915–1916) и «Лебедушка» (напечатано в 1917, но написано, очевидно, раньше). В первом медведихе снится, что «колет охотник остройгой детей», и она плачет, «трясет головой» и зовет детушек домой. Во втором лебедушка погибает, защищая своих лебедятшек от нападения орла: «А из глаз родимой матери Покатились слезы горькие». Не эти ли строчки подготовили концовку «Песни о собаке»?

Наиболее близки между собой стихи о корове и собаке. Похоже, что они создавались либо были задуманы в одно время. Во всяком случае общность их несомненна: материнское горе, отнятые дети, «выгонщик грубый» и «хозяин хмурый», прием умолчания в кульминации и безотрадный финал.

И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...

Покатились глаза собачьи...

В дальнейшем Есенин не раз будет писать о животных, но в центре его внимания окажутся не драматические судьбы собратьев по природе, а переживания лирического героя при общении с ними: «Милый, милый, смешной дуралей. Ну куда он, куда он гонится?» («Сорокоуст»); «Рад послушать я песню былую» («Сукин сын»); «Дай, Джим, на счастье лапу мне» («Собаке Качалова»).

Выскажем еще одну догадку о возникновении замысла «Песни о собаке».

В 1915 году в журналах появилось два стихотворения о собаках — В. Маяковского «Вот так я сделался собакой» («Новый сатирик», № 31) и Г. Анфилова «Собака» («Современник», № 1). Пафос первого — протест против озверения человека: «Весь как есть искусан злобой» — «чувствую — не могу по-человечьи» — «а у меня из-под губы — клык» — «у меня из-под пиджака развеерился хвостиче и вьется сзади, большой, собачий». Во втором собака выступает как мистическое существо, рождающее непонятную новую жизнь. Читал ли Есенин эти стихи? Думается, да. Потому что его «Песнь о собаке» звучит как полемический отклик и на то, и на другое стихотворение.

Начнем с того, что мысль о бесчеловечности людей, общая и для Маяковского, и для Есенина, воплощается обоими поэтами по-разному. Есенин проходит мимо основного мотива Маяковского — отчуждения и отверженности личности в обществе.

Что теперь?
 Один заорал, толпу растя.
 Второму прибавился третий, четвертый.
 Смяли старушонку.
 Она, крестясь, что-то кричала про черта.
 И когда, оцетинив в лицо усища-веники,
 толпа навалилась,
 огромная,
 злая,
 я стал на четвереньки
 и залаял:
 Гав! гав! гав!

Есенина же интересуют не озверевшие люди, а очеловеченные звери, и есенинская собака способна на глубокие чувства, ее горе безмерно и беспредельно, но совершенно недоступно разумению «хмурого хозяина», равнодушно и привычно исполняющего обычное в крестьянском быту «дело» — «утопление» слепых щенят.

В свою очередь Маяковский, возможно, полемизировал с Ф. Сологубом, написавшим ряд стихотворений о превращении человека в собаку: «Собака седого короля» (1905) и цикл «Когда я был собакой» («Новая жизнь», 1913, № 12, и 1914, № 3), в которых описан не процесс перевоплощения, а пребывание человека в собачьей «шкуре» и его ощущения при этом: «Во мне душа собаки, Чутья же вовсе нет». В цикле показано убийство собаки-человека, вознесение ее в рай («душа моя в рай возлетит») и беседа с богом. Оттого предсмертные собачьи муки даны как предвестие будущего блаженства.

Взметнусь я, и взвою, и охну,
 На камни свалюся и там,
 Помучившись мало, издохну,
 И богу я дух мой отдам.

А шутовское, пародийное признание: «Ну, какая ж, подумай, я — дворянка, Я искусство люблю, я — поэт» — окончательно снимает заметный вначале драматизм. Иронически рисуется и встреча поэта-собаки с поэтом-человеком, самоуверенным и надменным, который замахивается на собаку палкой. И в ответ раздается издевательское предостережение: «Но берегись, размахавшись палкой, уронишь На песок дороги глаза надставные». Сквозь метафору очков просвечивает более глубокий, символический смысл — неподлинность зрения и видения мира.

Весьма вероятно, что и Есенину попадались на глаза эти стихи, тем более что в № 12 журнала «Новая жизнь» была помещена рецензия на хорошо знакомый начинающему поэту сборник С. Клычкова «Потаенный сад». Отмстим и случайные, быть может, переключки: сологубовский «камень в висок», брошенный «подгулявшим проказником», оборачивается у Есенина «камнем в смех» вместо подачки, и не искусственные «глаза надставные» падают на песок, а «глаза собачьи» катятся в снег.

Если стихи Маяковского и Сологуба могли вызвать у Есенина скорее всего бессознательное отталкивание, то «Собака» Г. Анфилова, по всей вероятности, послужила толчком для создания есенинской «песни» и подсказала исходную ситуацию: утром в заброшенном сарае на старом тряпье собака рождает щенят.

В одиноком сарае нашла
 Кем-то брошенный рваный халат,
 Терпеливо к утру родила
 Дорогих, непонятных щенят.
 Стало радостно, сладко теперь
 На лохмотьях за старой доской,

И была приотворена дверь
В молчаливо рассветный покой.

От восторга в парче из светил
Уходили ночные цари.
Кто-то справа на небе чертил
Бледно-желтые знаки зари.

Содержание анфиловского стихотворения сводится по существу к одному факту — появлению на свет «дорогих, непонятных щенят», которому придан мистический характер. Молчаливый покой рассвета, знаки зари, таинственный некто — набор символистских атрибутов, успевишх превратиться к тому времени в штамп. А для Есенина этот факт рождения, лишенный всякой загадочности и выпренности, является отправным пунктом, завязкой повествования. И собака, бывшая у Анфилова поводом для религиозно-этических ассоциаций, становится главной героиней есенинского стихотворения. Нет в нем ни анфиловской недосказанности, ни символического подтекста, ни слащавости и умиления при виде терпеливой и счастливой собаки-роженицы — все подчеркнуто прозаично: не родила, а оценила; не собака, а сука; не одинокий сарай, а ржаной закут; не на халате, а на рогожах.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

Заметьте, как сходно и в то же время контрастно завязывается действие, что особенно ощутимо в последней строке первой строфы: сходство конструкции и контраст смысла — «Дорогих, непонятных щенят» и «Рыжих семерых щенят».

Начинается «Песнь о собаке» нарочито буднично, как бытовая зарисовка, но сама эта будничность опозитизирована: рогожи златятся, снежок подталый струился, она их ласкала. Спокойный тон начала не предвещает разыгравшейся дальше трагедии. Но уже в третьей строфе с ее предупреждающим «А вечером...» (ср. «До вечера...»), прерывистой интонацией и затрудненным ритмом («когда куры», «семерых всех»), «глухим» звучанием (к, ш, х) слышится смутная тревога. А повторенное в третий раз «семерых», усиленное местоимением «всех», грубо-просторечное «поклал» подчеркивают угрюмую непреклонность в действиях хозяина.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

Поэт не дает описания убийства, отказавшись от кульминационной сцены. Он заменяет ее одной многозначительной деталью, увиденной как бы самой собакой, не осознавшей сути происшедшего или прибежавшей на место преступления слишком поздно.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

«Песнь о собаке», как и другие ранние есенинские стихи о животных, передает авторские чувства не непосредственно, в лирическом монологе, а опосредованно, через повествование. И эмоциональная сила заключительных строк создается не патетическими возгласами, а страшным в своей выразительности гиперболическим образом собачьих глаз, вытекших от горя.

Итак, в разработке «собачьей» темы Есенин отталкивался от поэтов-предшественников и современников и скорее следовал традициям русской прозы в показе животных изнутри — история лошади или собаки, пережитая ими и рассказанная как будто от их лица (Л. Толстой, Чехов, Куприн). А есенинская боль за поруганное материнство была созвучна горьковскому гимну во славу материнской любви: «Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник все побеждающей жизни!» (легенды о матерях в «Сказках об Италии»). Не случайно судьба собаки-матери растрогала Горького до слез.

Замысел «Песни о собаке», как нам кажется, возник не позднее 1915–1916 годов, но, наверное, долго вынашивался и не сразу оформился. Поэт тщательно работал над нею, совершенствовал, шлифовал и не торопился отдавать в печать. Следы этой продолжительной работы видны в стилевой «неровности» (от закута к «синей выси») и шероховатости (глядела она звонко и скуля), в синтаксической инерции (начальное А... А... А...; когда, когда, когда), в появлении наряду с частыми у раннего Есенина усеченными рифмами (куры — хмурый, звонко — тонкий) неточных созвучий с выпадением согласного перед конечным гласным (подачки — собачьи, обратно — хатой).

«Песнь о собаке» стала событием не только в есенинском творчестве, но и во всей русской поэзии: никто из поэтов до Есенина не писал о животных с такой нежностью и состраданием, с такой искренностью и драматизмом.